

ОРЕНБУРГСКІЯ ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ВѢДОМОСТИ.

15 І Ю Л Я

Г О Д Ъ

1 8 8 3.

ОДИННАДЦАТЫЙ.

Подписка принимается въ Редаціи «Епархіальныхъ Вѣдомостей» при Духовномъ училищѣ въ Оренбургѣ и у Благочинныхъ.

№ 14

Цѣна годовому изданію съ укупоркой, доставкой и пересылкой 6 р. Отдѣльно номера можно получать въ Редаціи—по 25 коп.

Выходятъ два раза въ мѣсяць 1 и 15 чиселъ.

ОТДѢЛЪ ОФФИЦІАЛЬНЫЙ.

ОПРЕДѢЛЕНІЕ СВЯТѢЙШАГО СИНОДА:

Отъ 12—18-го мая 1883 года за № 1, о книгѣ А. Ржаницына: «Учебникъ латинскаго языка, составленный по Остерманну», съ Журналомъ Учебнаго Комитета при Св. Синодѣ.

По указу Его Императорскаго Величества, Святѣйшій Правительствующій Синодъ слушали: предложенный г. синодальнымъ Оберъ-Прокуроромъ, отъ 11 мая 1883 года за № 56, журналъ Учебнаго Комитета, № 130, по прошенію преподавателя 2-й московской прогимназіи Алексѣя Ржаницына о допущеніи составленной имъ книги, подъ названіемъ: «Учебникъ латинскаго языка, составленный по Остерманну для 1-го класса классическихъ гимназій и духовныхъ училищъ» (ч. I—А. Грамматическія свѣдѣнія. В. Vocabularium; ч. II—Упражненія въ переводахъ. Москва, 1880 г.) къ употребленію въ духовныхъ училищахъ. Учебный Комитетъ полагаетъ допустить вышеназванную книгу въ бібліотеки духовныхъ училищъ въ качествѣ пособія при преподаваніи латинскаго языка. Приказали: заключеніе Учебнаго Комитета утвердить и для объявленія о книгѣ Ржаницына правленіямъ духовныхъ училищъ сообщить, циркулярно, чрезъ «Церковный Вѣстникъ», съ приложеніемъ копии съ журнала Учебнаго Комитета.

*Журналъ Учебнаго Комитета при Святѣйшемъ Синодѣ за № 130,
о вышеозначенной книгѣ*

Въ предисловіи къ своимъ книжкамъ авторъ довольно подробно указываетъ на сущность реформы, которая была введена Остермановымъ *Vocabularium* въ низшіе классы гимназій, при ознакомленіи учащихся съ элементами латинской грамматики и главными лексическими данными. Реформа эта, проводящая приемъ въ основѣ своей противоположный господствовавшему до послѣдняго времени приему заучиванія грамматическихъ правилъ и, уже послѣ этого, закрѣпленія ихъ въ памяти учащихся примѣрами и упражненіями въ переводахъ, можетъ быть названа практическою по преимуществу. Методъ, рекомендуемый Остерманномъ, заключается въ томъ, что знакомятся ученики съ грамматикой древняго языка не чрезъ усвоеніе теоретическихъ формъ этимологіи, но чрезъ заучиваніе словъ и составленіе изъ нихъ примѣровъ для упражненій, въ которыхъ эти формы являются въ достаточномъ количествѣ и необходимомъ разнообразіи и усваиваются учащимися путемъ упражненій. Приемъ этотъ не есть ничто, придуманное самимъ Остерманномъ: еще Ф. А. Вольфъ указывалъ на необходимость требовать отъ учениковъ заучиванія словъ. «Слова, говорилъ онъ, не могутъ быть усваиваемы единственно *ex usu*; необходимо заниматься ими и *ex professo*, такъ чтобы ученики заучивали и такія слова, которыя имъ при чтеніи не встрѣчаются». Педагогическое значеніе этого заучиванія выяснено знаменитымъ Дедерлейномъ, которому принадлежитъ замѣчаніе о томъ, что всякое новое слово, заучиваемое мальчикомъ, радуется его, какъ новое приобрѣтеніе, а всякое новое правило составляетъ для него бремя. Прилагая этотъ афоризмъ на практикѣ, Дедерлейнъ составилъ свой *Vocabularium*, занявшій сразу видное мѣсто въ педагогической литературѣ и нашедшій многочисленныхъ подражателей. Они различествуютъ другъ отъ друга лишь расположеніемъ матеріала; одни, слѣдуя началамъ, впервые приложеннымъ къ практикѣ знаменитымъ Амосомъ Каменскимъ, располагаютъ слова по категоріямъ, относящимся къ явленіямъ видимаго или духовнаго міра, другіе придерживаются при группировкѣ порядка, указаннаго грамматическою теоріею, третьи руководствуются классификаціей по алфавиту. Далѣе, одни даютъ въ руки ученикамъ однѣ лишь вокабулы, другіе прибавляютъ къ нимъ и фразеологію, третьи — и въ числѣ ихъ Остерманнъ — соединяютъ ихъ съ упражненіями въ переводахъ и съ грамматическою теоріею.

130, Вышеуказанный приемъ обучения, вызвавъ при своемъ появленіи довольно оживленную полемику, въ настоящее время завоевалъ себѣ право гражданства и врядъ ли теперь можно найти педагога, который сталъ бы сомнѣваться въ дѣйствительной пользѣ методическаго изученія вокабулъ, особенно при началѣ обученія. Но, если, съ одной стороны, польза такого изученія несомнѣнна, то, съ другой, не слѣдуетъ придавать этому изученію ту роль, которая ему не принадлежитъ, и изъ-за него пренебрегать грамматической теоріей. Не слѣдуетъ думать, что если ученикъ выучилъ нѣсколько сотенъ словъ и продѣлалъ надъ ними значительное число упражненій, то онъ и ознакомился съ грамматикою языка и ничего другаго, дальнѣйшаго, дѣлать не обязанъ. Изученіе вокабулъ не есть еще цѣль, а только средство къ цѣли и притомъ не единственное: рядомъ съ нимъ, точно такимъ же, равносильнымъ ему по значенію, средствомъ является грамматическая теорія, которая рано или поздно, такъ или иначе, пройдена и усвоена быть должна для того, чтобы усвоенные памятью учащихся факты не остались данными безсвязными, скоро позабываемыми, но заняли въ извѣстномъ порядкѣ надлежащее мѣсто и представили въ общемъ цѣлое, органически стройное. Это совершенно вѣрно понялъ Остерманъ и предпослалъ сжатый очеркъ грамматики составленному имъ *Vocabularium* у. Очеркъ этотъ настолько кратокъ, что не выходитъ за предѣлы самыхъ элементарныхъ свѣдѣній, но въ то же время и настолько строенъ, что представляетъ какъ бы скелетъ организма грамматическаго. (Само собою разумѣется, что тамъ, гдѣ рѣчь идетъ объ элементарномъ обученіи, имѣется въ виду одна этимологія).

Изъ вышеизложеннаго ясно, что, выбравъ для своего «учебника» книгу Остерманна, г. Ржаницынъ поступилъ съ знаніемъ дѣла и педагогическимъ тактомъ. Желая приспособить свою книгу потребностямъ учебниковъ I класса гимназій, онъ, слѣдуя указаніямъ учебныхъ плановъ, сдѣлалъ нѣсколько измѣненій, частію въ расположеніи матеріала, частію въ практическихъ упражненіяхъ. Измѣненія эти не могутъ не быть одобрены и обнаруживаютъ въ составителѣ педагога, практика, знакомаго съ требованіями нашей школы.

Просматривая книжки г. Ржаницына, Комитетъ не нашелъ особенно рѣзкихъ промаховъ и ошибокъ. Для послѣдующихъ же изданій можно рекомендовать ему съ большею послѣдовательностію провести общепринятую нынѣ орфографію (такъ, авторъ пишетъ *сена, scelum, Josus* и т. д.) и обратить вниманіе на болѣе послѣдовательную разстановку знаковъ долготы и краткости.

Принимая во вниманіе пользу, которую можетъ принести преподавателямъ латинскаго языка въ духовныхъ училищахъ знакомство съ методическими приѣмами Остерманна, Учебный Комитетъ полагаетъ возможнымъ допустить книжки г. Ржаницына въ училищныя бібліотеки, какъ пособіе для преподавателей латинскаго языка.

Отъ Хозяйственнаго Управленія при Св. Синодѣ объявленіе.— Въ синодальныхъ книжныхъ лавкахъ въ Москвѣ и С.-Петербургѣ *) поступила въ продажу книга: «Чинъ дѣйствія, какимъ образомъ совершилось священнѣйшее коронованіе Его Императорскаго Величества Государя Императора Александра Александровича, Самодержца Всероссийскаго». Москва 1883 г. Цѣна въ бумажномъ переплетѣ 20 коп.

Распоряженіе Епархіальнаго Начальства.

Бывшій помощникъ смотрителя Оренбургскаго духовнаго училища, дѣйствительный студентъ Кіевской Духовной Академіи, Александръ Красносельцевъ, по опредѣленію Епархіальнаго Начальства отъ 3—4 мая, назначенъ исправляющимъ должность столоначальника Консисторіи.

РАЗРЯДНЫЙ СПИСОКЪ

учениковъ Оренбургскаго духовнаго училища за 18⁸²/₈₃ учебный годъ, составленный послѣ іюньскихъ испытаній.

IV-й К Л А С С Ъ.

Разрядъ 1-й.

Ксенократовъ Христофоръ,
Миртовъ Василій,
Марковъ Иванъ,
Макаровъ Никаноръ,
Левицкій Николай,
Починяевъ Александръ,

*) Въ Москвѣ въ зданіи синодальной типографіи, въ С.-Петербургѣ въ зданіи Святѣйшаго Синода.

Разрядъ 2-й.

Унгвицкій Василій,
Шалфицкій Иванъ,
Сперанскій Дмитрій,

Разрядъ 3-й.

Несчастливцевъ Николай *окончили курсъ наукъ духовнаго училища.*

III-й К Л А С С Ъ.

Разрядъ 1-й.

Введенскій Николай,
Субботицъ Иванъ,
Кобловъ Николай,
Петровъ Василій,

Разрядъ 2-й.

Субботинъ Петръ *переводятся въ четвертый классъ.*

Коблову Сергѣю и Пospѣлову Александру — *перезкзаменовка по латинскому языку.*

Смирнову Александру — *перезкзаменовка по Закону Божію.*

Любимову Алексѣю и Андрееву Виктору — *перезкзаменовка по латинскому языку.*

Разрядъ 3-й.

Преображенскій Александръ,
Зефиоровъ Николай,
Болховитяновъ Евгеній,
Петровъ Павелъ

и Ивановъ Константинъ *оставляются въ томъ же классъ за безустыжность.*

Базановъ Андрей *оставляется въ томъ же классъ по волю отца.*

II-й К Л А С С Ъ.

Разрядъ 1-й.

Нечаевъ Михаилъ,
Никольскій Михаилъ,
Маляровскій Михаилъ,
Сперанскій Иванъ 1-й,
Надеждинъ Николай,
Марсовъ Иванъ,
Мухинъ Николай.

Разрядъ 2-й.

Маляровскій Стефанъ
и Анцыферовъ Иванъ *переводятся въ третій классъ.*
Петрову Владиміру и Сперанскому Ивану 2-му — *перезкзаменовка по ариѳметикѣ.*
Введенскому Александру и Альбицкому Дмитрію — *перезкзаменовка по латинскому языку.*
Маллицкому Александру — *перезкзаменовка по русскому и латинскому языкамъ.*
Глинскому Дмитрію — *перезкзаменовка по ариѳметикѣ и латинскому языку.*

Разрядъ 3-й.

Тихоміровъ Михаилъ,
Покровскій Андрей,
Унгвицкій Гавріилъ,
Циркулинскій Сергѣй,
Тепловъ Александръ,
Амврововъ Клавдій
и Доброхотовъ Михаилъ — *оставляются въ томъ же классѣ за безустыжность.*
Граμμαковъ Николай — *оставляется въ томъ же классѣ по волю отца.*

І-й К Л А С С Ъ.

Разрядъ 1-й.

Покровскій Ѳеодоръ,
Быштымовъ Евграфъ,
Вознесенскій Александръ 1-й,
Маляровскій Петръ,
Евфорицкій Владиміръ,
Марковъ Василій,
Боголюбовъ Иванъ,
Смирновъ Владиміръ,
Истифѣевъ Александръ,

Разрядъ 2-й.

Полотебновъ Василій,
Генерозовъ Павелъ,
Покровскій Иванъ,

Любимовъ Владиміръ,
Картеревъ Алексѣй
и Полозковъ Василій *переводятся во второй классъ.*
Семенову Ивану—*перезкзаменовка по Закону Божию.*
Пинегину Александру—*перезкзаменовка по русскому языку и ариметикъ.*
Преображенскому Николаю—*перезкзаменовка по Закону Божию и русскому языку.*

Разрядъ 3-й.

Вознесенскій Александръ 2-й
и Круглополевъ Теофистъ *оставляются въ томъ же классъ за безустышность.*

Богоявленскій Геннадій *увольняется изъ училища за безустышность.*

ПРИГОТОВИТЕЛЬНЫЙ КЛАССЪ.

Разрядъ 1-й.

Малеинъ Николай,
Болховитяновъ Иванъ,
Комаровъ Павелъ,
Макаровъ Клавдій,
Лебедевъ Валентинъ,
Подъячевъ Владиміръ,
Альбицкій Сергѣй,
Руднянскій Михаилъ,
Покровскій Константинъ,
Пикторинскій Сергѣй,
Смирновъ Иванъ,

Разрядъ 2-й.

Боголюбовъ Яковъ,
Покровскій Василій,
Болокольниковъ Николай,
Амвровъ Алексѣй
и Михайловъ Александръ—*переводятся въ первый классъ.*
Чубовскому Петру и Макштадтъ Петру *перезкзаменовка по ариметикъ.*
Маляровскому Павлу—*перезкзаменовка по Закону Божию и русскому языку.*

Разрядъ 3-й.

Сперанскій Василій,
Бѣляевъ Евгений,
Каменскій Аркадій,
Поспѣловъ Павелъ
и Покровскій Петръ *оставляются въ томъ же классѣ за безу-
слѣдность.*

Шалфицкій Алексѣй *увольняется изъ училища за безусты-
нность.*

РАЗРЯДЪ 1-Й.

Маленькій Николай,
Вознесенскій Павелъ,
Колесниковъ Павелъ,
Михайловъ Аркадій,
Заболотскій Валентинъ,
Покровский Валентинъ,
Александровъ Сергѣй,
Трубинскій Михаилъ,
Покровский Валентинъ,
Покровский Сергѣй,
Смирновъ Павелъ.

РАЗРЯДЪ 2-Й.

Покровский Николай,
Покровский Василій,
Белоконевъ Николай,
Александровъ Алексѣй,
Покровский Павелъ и Михайловъ Александръ
и Михайловъ Александръ — переводятся въ первый классъ.
Покровский Павелъ — переводится въ первый классъ.
Покровский Павелъ — переводится въ первый классъ.

Нѣл
был
ден
дѣл
безс
изъ
Без
злос
мят
ста
ном
и с
далѣ

ОТДѢЛЪ НЕОФФИЦІАЛЬНЫЙ.

ДУМЫ И ВОСПОМИНАНІЯ.

(ИЗЪ ДНЕВНИКА).

«Только народы совершенно грубые бываютъ совершенно равнодушны къ своему прошедшему» (Бэръ).

Часы бѣгутъ. Ночная тѣнь
Не разъ смѣняла день свѣтящій.
Не разъ встрѣчала я утрій день
Безъ сна, въ бессонницѣ томящей.
Изъ жизни прошлыя вдали
Разнообразныя картины
И волновались и росли.

«Уйди и ты въ себя, въ свои
воспоминанья, и тамъ, на самомъ
днѣ сосредоточенной души, твоя
прежняя жизнь блеснетъ передъ
тобою» (Тургеневъ).

Теченіе семинарскаго курса окончилось. «Быть или не быть?!
Нѣтъ, гамлетовскимъ-ли вопросомъ тревожить себя?! Нѣтъ, не до того
было. Довольно знать, ощущать и чувствовать, что семинарія прой-
дена благополучно и подъ этимъ, захватывающимъ духъ впечатлѣніемъ,
дѣйствительная жизнь представлялась какъ бы въ туманѣ. Хотѣлось
безотчетно отдаться свободѣ, подобно тому, какъ птичка, выпущенная
изъ клѣтки, летитъ не зная куда. Чудный моментъ, сладкое время!
Безъ сожалѣнія оставляешь непривѣтливую alma mater, но и безъ
злости, ради свободы, какъ въ Христовъ день, на сердцѣ нѣтъ злопа-
мятства. Прощайте, друзья товарищи! Прощай юность! Грустно раз-
ставаться, именно, съ вами, а къ семинаріи, какъ къ чему то род-
ному, какъ къ нѣкоторой святыни, чувства во мнѣ не сохранилось.
Недолго пришлось семинаристу быть на свободѣ. Жениховство
и свадьба промелькнули вихремъ... Пришелъ, увидѣлъ, побѣдилъ, а
далѣе — что? «Быть или не быть»?... Поздно!... Рѣба времени уносить

по теченію... Несеть зимняя кибитка молодца «въ Епархію», а подъ шумъ полозьевъ, въ перспективѣ іерейства мелькають въ воображеніи кандидата священства общественная дѣятельность, пріятныя семейныя сцены, разныя воздаянія за трудъ. Надъ чѣмъ задумываться? Семинарія, казалось, рѣшила всѣ вопросы пастырской практики. Впереди все ясно, все извѣстно; повель рукой направо—расколъ исчезъ, повель налево—явилось улучшение братской кружки; жена улыбается, будущія дѣти рѣзвятся, во всемъ неизсякаемое довольство.

Предусмотрительный отецъ положилъ въ дорожный мѣшокъ кибитки миниатюрный служебничекъ, примолвивъ: «годится». Утомленному однообразіемъ зимняго пути, «кандидату» священства пришла мысль—пришла, конечно, не безъ участія Того, отъ Кого исходятъ *помысленія благая* взять въ руки отцевскую книжечку. Наружность ея знакома; она напомнила «кандидату» его дѣтство: не ее-ли онъ нѣкогда подавалъ отцу въ руки за службою?... Боже мой! Какъ, бывало, рвалась тогда душа къ алтарю! какъ хотѣлось самому быть «тятенькой», т. е. священникомъ! А теперь?! Вотъ ты наканунѣ священства,—рвется-ли такъ душа? Твои завѣтныя желанія, твои отроческія мечты у цѣли. Гдѣ же прежніе святыя порывы?... Боже! Чуть-ли не впервые эти вопросы такъ реально всплыли со дна души и застали «новобранца» совершенно врасплохъ.

О сердечныхъ порывахъ и душевномъ призваніи воспитанниковъ наша alma mater не справлялась; заявлять же во всеуслышаніе о душевныхъ стремленіяхъ, не солидарныхъ съ духомъ и началами духовнаго вертограда, значило прямо обидѣть старушку mater. Если въ комъ либо изъ насъ и зарождались антикастовые порывы, называемые «призваніемъ», то они тщательно скрывались въ глубинѣ души; иначе, чего добраго, привелось бы, пожалуй, преждевременно обѣжать, подобно Моисею, куда либо на чужбину. Вопросъ о призваніи питомцевъ совершенно игнорировался, вѣроятно, изъ опасенія, преждевременно запугать юныхъ продолжателей апостольскихъ трудовъ предстоящими подвигами. Но думается: на комъ нибудь изъ пѣстуновъ, если не на всѣхъ, лежала же обязанность воодушевить, вдохновить, виѣдрить въ питомцевъ духъ апостольства, чрезъ уясненіе главнаго принципа духовной миссіи—*призванія*? Слово это должно бы быть начертано надъ входомъ семинаріи; оно должно быть девизомъ, по крайней мѣрѣ, аудиторіи богословской. При переходѣ въ это отдѣленіе, называвшееся, при насъ, богословскимъ классомъ, воспитанники должны бы слышать грозное предупрежденіе: «стойте, не приближайтесь, не иззуйте сапоги!» ,

а по выходѣ изъ семинаріи—еще предупрежденіе: «кто боится и робѣетъ, пусть идетъ домой!»... Пастырское же богословіе, въ область котораго входитъ слѣдуетъ вопросу о «призваніи», должно бы раздѣлить на уроки, въ собесѣдовательной и руководительной формѣ, въ духѣ отеческихъ наставленій (по образцу, напр., «Писемъ о должностяхъ свящ. сана»). Каѳедра семинарской церкви, залъ актовыхъ торжествъ также могли бы служить мѣстомъ для бесѣдъ по пастырской наукѣ. Нынѣ, впрочемъ, чаще и чаще приводится видѣть въ печати бесѣды наставниковъ съ питомцами; въ родѣ, напр., прекраснаго «Напомятія духовнымъ воспитанникамъ», А. Мемнона (1882 г.), гдѣ, въ двухъ книгахъ, собраны рѣчи и поученія, веденныя авторомъ съ семинаристами въ классовъ. Нѣтъ, въ наше время такихъ рѣчей, или даже какихъ либо рѣчей, не говорилось, этого не водилось; не говорили ни *здравствуй*, ни *прощай!* Исключенія допускались только для *перваго* ученика, обрекаемаго въ академію, за которымъ начальство нѣсколько ухаживало, поддерживая въ немъ искру призванія къ высшему образованію. Alma mater наша предоставляла рѣшеніе вопроса о призваніи собственному сознанію и внутреннему влеченію самихъ воспитанниковъ. Все же зависитъ отъ способностей и наклонностей каждаго; ихъ можно знать самому. На это припомнимъ слова приснопамятнаго митрополита Филарета, бывшаго еще студентомъ: «дай Богъ, чтобы никто не ошибался въ своемъ призваніи! И неужели въ такія лѣта, когда не позволительно еще располагать имѣніемъ безъ опекуна, можно располагать своими способностями совершенно безъ *помощи другихъ?* (Письма къ роднымъ). Если, а гротос, провести параллель между нашими православными дух. семинаріями и ихъ тезками, католическими духовными вертоградомъ, то на сторонѣ послѣднихъ окажется своего рода преимущество—въ принципѣ воздѣйствія на призваніе питомцевъ. Какъ высоко цѣнятся въ римско-католическомъ клирѣ *призваніе*, видно изъ того уже, что предъ самымъ моментомъ посвященія кандидатовъ въ низшія священныя степени (иподіакона, діакона) еще разъ испытывается призваніе готовящагося. Епископъ, возсѣдая на сѣдалищѣ, съ митрою на головѣ, обращается къ будущимъ священнослужителямъ съ послѣднимъ увѣщаніемъ, въ которомъ въ послѣдній разъ излагается принимаемое кандидатомъ на себя обязательство, при чемъ повелѣваетъ удалиться тѣмъ изъ нихъ (посвящается, обыкновенно, заразъ много), которые *не признаютъ себя способными* исполнять возлагаемыя на нихъ обязанности («Ц. Вѣстн.» № 5 1883 г.).

А кибитка быстро неслась, по снѣжной путинѣ, еще быстрѣе волновались и росли въ душѣ кандидата думы, невеселыя думы. Ему впервые привелось поглубже заглянуть въ себя, проэкзаменовать себя и поставить себѣ нелестный баллъ. Отцовскій служебничекъ, напомнивъ дѣтство, заставилъ подумать о настоящемъ и будущемъ... Оказалось, что даже служебникъ былъ для завтрашняго іерея terra incognita. Въ головѣ «богослова», правда, вертѣлись какіе-то обрывки изъ уроковъ по предмету богослужебныхъ книгъ, вспомнилось о существованіи «учительнаго извѣстія»; но какъ же нашъ неопитъ былъ изумленъ массѣ промежуточныхъ замѣчаній въ служебникѣ, писанныхъ киноварью, и множеству «тайныхъ» чтеній іерея на литургіи!... Краска стыда непритворно покрыла и согрѣла охладѣвшее лицо путника, впервые отъ роду, на порогѣ къ священству, случайно познакомившагося съ содержаніемъ необходимѣйшей книги для священнослужителя. Со дна души поднялись горькія сожалѣнія о свободно проведенномъ времени въ семинаріи; свободнаго же времени, хотя бы для прочтенія служебника, было слишкомъ достаточно, при безнаказанномъ манкированіи ученическими обязанностями («Думы и воспом.»., «О. Еп. Вѣд.» 1881 г. № 14).

Нѣтъ надобности повторять всѣ думы, навѣяанныя на кандидата священства чтеніемъ въ дорогѣ отцовскаго служебника. Надобно судить очень легко, чтобы не сознавать широкихъ пробѣловъ въ подготовкѣ къ служенію церкви даже въ званіи *требоисправителя*. А сознаніе подобной малосостоятельности не можетъ не тревожить человѣка, въ которомъ хоть капля есть совѣсти и сознанія человѣческаго достоинства.

Такимъ образомъ, «новобранцу» привелось вѣзжать въ епархіальный городъ въ невеселомъ настроеніи духа. Какъ на грѣхъ дядя, городской священникъ, встрѣтилъ дальняго гостя многозначительнымъ покачиваніемъ головы: дядя, къ слову сказать, своихъ дѣтей направилъ по «другой дорогѣ»...

Но всего впечатлительнѣе врѣзалась, до сего дня, въ память «новобранца» фраза, какою встрѣтилъ его одинъ изъ почтенныхъ членовъ консисторіи, испытавшій въ своей жизни горечь іерейскаго вдовства. И ты, голубчикъ, лѣзешь въ попы?! сказалъ онъ, также сопровождая фразу покачиваніемъ головы. Особеннаго значенія этой фразѣ я тогда не придалъ, но невольно подумалъ: «что они какъ будто *отпѣваютъ* меня? Не я—первый, не я—и послѣдній! Какія же тягость въ поповствѣ? Но раздумывать привелось немного, пото-

му что, благодаря товариществу своему по семинаріи съ секретаремъ преосвященнаго, офіціальная процедура къ ставленничеству совершилась безъ замедленія, такъ что, чрезъ два дня по приѣздѣ, именно въ 26 число декабря, я назначенъ къ рукоположенію во діакона.

25 число декабря — день, какъ извѣстно, торжественный и шумный въ городахъ, но я какъ то въ этотъ разъ не замѣчалъ праздничной суеты. Наступившій вечеръ болѣе подходилъ къ настроенію моей души, занятой предстоящимъ посвященіемъ. Отказавшись отъ вечерней трапезы, я уединился для *приготовленія*. Съ чувствомъ, съ толкомъ, съ благоговѣйнымъ вниманіемъ, какъ никогда прежде, читались молитвы вечерняго *правила*. Вслѣдствіе нервного возбужденія, ночь провелъ почти безъ сна, въ какомъ-то полузабытіи. Долго читалъ — и не скажу, чтобъ со вниманіемъ, отъ утомленія безсонницею утреннее *правило* и еще до разсвѣта уже явился, съ узломъ духовнаго платья подъ мышкою, въ крестовую церковь. Секретарь успокоилъ, что ставленническое дѣло готово и, вѣроятно, еще наканунѣ подано келейникомъ владыкѣ.

И такъ, часъ, одинъ только часъ отдѣляетъ обреченнаго отъ роковаго приговора! Діаконство составляетъ рѣшительный шагъ, обрекаетъ кандидата на служеніе Богу; отъ сего часа даваемый обѣтъ становится безвозвратнымъ... Собрались въ церковь знакомые и родные мои. Ждутъ. Жду я. Наконецъ, наступаетъ моментъ, въ который совершается на литургіи рукоположеніе. Робѣю, молюсь въ душѣ и жду: вотъ вотъ иподіаконъ подхватятъ дебютанта подъ бока. Но что это?!... Странно! Моментъ прошелъ, а я не вызванъ; стою, какъ наказанный школьникъ, въ углу алтаря, не понимая совершившагося. Ясно было только, что рукоположеніе не совершилось. Такой афронтъ, по своей неожиданности, ошеломилъ меня такъ, что я оставался глухъ къ божественной торжественности епископскаго служенія, ломая голову надъ догадкой: по какой причинѣ отложено мое рукоположеніе? Ужъ не экзаменъ ли хотять дать?! Этого я боялся пуще всего, помня пробѣлы семинарскаго образованія («Оренб. Еп. Вѣд.» 1881 г.: «Думы и воспом.»). Но «умысль другой тутъ былъ»...

Какъ отъ смазчика колесъ можетъ зависѣть благополучіе желѣзнодорожнаго поѣзда, такъ и въ моемъ дѣлѣ машина получила задній ходъ, благодаря очень неважной персонѣ въ епархіальномъ вѣдомствѣ. Владыка, какъ узналъ я послѣ, во время чтенія часовъ, обращался къ протодіакону съ вопросомъ: «гдѣ же ставленникъ? Протодіаконъ отозвался незнаніемъ, а одинъ изъ иподіаконовъ — онъ же и келейникъ

преосвященнаго — пресерьезно отвѣтилъ: «*дѣло* ставленника не изготовлено». Такъ то г. келейникъ изволилъ лгать въ глаза своему архипастырю и благодѣтелю! Дѣло мое было приготовлено еще наканунѣ и секретаремъ передано келейнику, для врученія владыкѣ, но пока лежало подъ спудомъ въ портфель келейника, поелику кандидатъ іерейства не догадался сдѣлать одного предварительнаго *визита*. Однако жъ келейнику не пришлось получить ожидаемаго визита... Каюсь, въ душѣ «богослова» шевельнулось молодое эгоистическое чувство неприязни къ зазнавшемуся служкѣ, тѣмъ болѣе, что и послѣдній обдавалъ перваго, при встрѣчѣ, такимъ нагло-презрительнымъ взглядомъ и такъ нахально бравировалъ своею фиктивною *властію*, что я рѣшилъ не сдаваться безъ сопротивленія. Впрочемъ, немало подспорили моему донкихотству и рассказы горожанъ о характеристикѣ моего оппонента. Избравъ, по чувству самосохраненія, выжидательное положеніе, я не принималъ никакихъ мѣръ къ выходу изъ неизвѣстности. Нѣсколько дней длилась скрытая дипломатическая война между «его эминенціей» и кандидатомъ іерейства; тотъ и другой, при встрѣчахъ, всячески игнорировали другъ друга, не кланялись и не узнавали одинъ другаго, какъ и быть должно, по правиламъ гражданской стратегіи. Но, вотъ, получаю вѣсть изъ канцеляріи владыки, что бы мнѣ снова готовиться къ посвященію. Очевидно, келейнику и невозможно было долѣе недѣли скрывать мое дѣло подъ сукномъ. Впрочемъ, эта буря въ стаканѣ воды, эти 6—7 дней неудачи для мечтательной натуры могли бы имѣть роковыя послѣдствія, если бы не прекратились *дніе оны*. Нашъ кандидатъ пересталъ было заглядывать въ отцовскій службеничекъ и уже опять наострилъ свои мысли на разрѣшеніе вопроса: «быть или не быть»? Какая неустойчивость въ призваніи! Въ мирное время вѣрують, а во время напасти готовы отпадать.

Далеко уже не съ прежнимъ воодушевленіемъ готовился я вторично къ крещенію благодатію священства. По предостереженію нѣкоторыхъ, я опасался новой гадости со стороны своего врага. А, между тѣмъ, какъ легко можно было бы избѣжать напрасныхъ волненій!

Преобразившись въ діакона, на первыхъ порахъ я былъ какъ самъ не свой, путаясь въ словахъ, въ привычкахъ, въ длиннополой одеждѣ. Публика, впрочемъ, относилась къ новіку снисходительно, находя, что новый костюмъ очень идетъ къ безбородому рясоносцу. *Прежде*, кажется, отъ всей правды вѣрили, что одежда человѣка красить. — На другой день, по рукоположеніи, мнѣ привелось діаконствовать при управленіи «царскихъ» часовъ (въ пятницу передъ

Богоявленіемъ), съ уставомъ которыхъ знакомился еще въ IV классѣ дух. училища, т. е. лѣтъ 7 назадъ, а съ той поры и не видывалъ службы этихъ часовъ. Хорошо, что за часами не было никого изъ народа (въ крестовой церкви), иначе новый діаконъ промахами своими могъ разбѣять благоговѣніе молящихся. Литургію на слѣдующій день служилъ въ той же церкви безъ вопіющихъ хотя промаховъ, благодаря помощи одного изъ крестовыхъ іеромонаховъ, но получилъ выговоръ за то, что не приготовился къ причащенію. Неофиту и въ голову не пришло, что діаконъ, какъ и священники, должны причащаться за литургію.

Вообще, кандидаты священства, въ прежнее время, отличались весьма ограниченнымъ знаніемъ уставовъ и обычаевъ церковныхъ. Не говоря уже о совершенномъ почти незнакомствѣ съ Типикономъ, о плохомъ чтеніи и пѣніи («Ор. Еп. Вѣд.» 1881 г. «Думы»), многіе изъ «богослововъ» не умѣли даже различать богослужебныя книги, по ихъ наименованію и, конечно, затруднились бы въ пріисканіи вечерняго правила, для готовящихся къ причащенію; не знали прѣстаго порядка вечерни, утрени и обѣдни, не умѣли, по рукоположеніи, правильнаго шага сдѣлать по алтарю безъ подсказыванія со стороны. Нѣкоторымъ исключеніемъ были только семинаристы пѣвчіе или клирошане (ibid). Съ малолѣтства мы вращались въ кругѣ церковниковъ, чаще другихъ видѣли, слышали и участвовали за богослуженіями, а пришлось самому стать церковникомъ ни въ зубъ толкнуть! Если ужъ семинарская церковь не была для насъ школою, то, кажется, оставалось только благодарить преосвященнаго за обычай рукополагать діаконствомъ во священники послѣ, по крайней мѣрѣ, недѣльной практики въ служеніи. Куда!? Явилось недовольство со стороны «богослововъ» діаконствомъ такимъ благоразумнымъ требованіемъ архипастыря. Назадъ тому 10—12 лѣтъ, гг. «богослова» считали низкимъ побыть и одну недѣлю въ санѣ діакона, хотя по своей церковной практикѣ не тодились и въ дьячки. О, tempo! Стыдились діаконства, а не стыдились быть за богослуженіями на помочахъ у неученыхъ діаконствомъ и у безграмотныхъ дьячковъ. Тогда незнаніе церковнаго устава не ставилось почему-то въ вину «ученымъ» кандидатамъ священства и даже народу, почему-то снисходительно относился къ видимымъ промахамъ молодыхъ батюшекъ за богослуженіемъ.

Должно полагать, нашъ дебютантъ еще не изъ рукъ вонъ плохимъ діаконствомъ заявилъ себя, потому что чрезъ два дня назначенъ къ посвященію въ санъ священства.

«Да искушаетъ человѣкъ себе». Какъ быстро промелькнули эти 20 лѣтъ! Давно ли былъ я школьникомъ! Да и теперь развѣ я не такой же школьникъ въ рясѣ?! Бывало, какими казались мнѣ «богослова» умными, всезнающими, представительными, серьезными, и смотрѣлъ на нихъ я съ нѣкотораго рода благоговѣніемъ. Во мнѣ то самомъ что же теперь нѣтъ ничего подобнаго?! Ужели и все мои товарищи также молоды умомъ, душой и тѣломъ?... Я какъ бы все чего то ждалъ, жуюсь, вотъ, посвящусь и сдѣлаюсь, какъ есть, *батшкой*. Но конецъ курса, женитьба и священство, все подкралось какъ-то незамѣтно, какъ-то неожиданно и какъ бы преждевременно, застало меня въ расплахъ, не въ *брачномъ отдѣленіи* души моей. Я, заглянувъ въ глубь сердца своего, рѣшительно не чувствовалъ за собою правоспособности именоваться «отцемъ духовнымъ», «батюшкой», «пастыремъ», «священникомъ». Эпитеты эти, казалось, нанизывались на меня какъ бы одежда взрослога на дитя и были мнѣ вовсе не по плечу. Чувствовалось, что, рясою прикрытые, молодость, темпераментъ и характеръ переливаются въ крови, какъ не убродившіеся дрожжи....

Наша *alma mater*, вообще, мало обращала вниманія на образованіе характера и нравственнаго склада въ духовныхъ питомцахъ. Прошло то время, когда духовная бурса была, хотя и суровою школою, но школою традиціонною, съ неощеннымъ свойствомъ — «будить и развивать самодѣятельность и *крѣпнѣтъ — закалять характеръ*»... Духъ *нашего* времени вѣялъ пресловутымъ либерализмомъ. Печатали говорили, проповѣдывали о замкнутости и косности духовнаго сословія, изъ котораго-де необходимо выжимать кастовый духъ, чтобы отъ духовныхъ воспитанниковъ нисколько не пахло «бурсацизмомъ», семинащиной. Походка, рѣчь, одежда, слово и дѣло все взято на карикатуру. Захотѣли облагородить бурсака, сирѣчь, обезличить, одѣть въ костюмъ космополита. Чѣмъ меньше походилъ бы семинаристъ на *духовнаго*, тѣмъ де лучше. Долой рясы и кафтаны! Театры, клубы, собранія должны отворить двери новому, въ короткополомъ костюмѣ, пастору. И мы съ упоеніемъ внимали этому духу *льсти*....

Говорили, что духовная семинарія должна быть общеобразовательнымъ заведеніемъ, съ спеціальнымъ только курсомъ богословскимъ, въ которомъ-де и могутъ вырабатываться пастыри. Въ такомъ случаѣ, почему бы въ параллель съ спеціальнымъ курсомъ богословія, не устроить при семинаріи и спеціальнѣй *военный* классъ или классъ зрѣлости? Къ чему кадетскіе корпуса и юнкерскія школы и проч. Изволите видѣть, въ семинаріяхъ будутъ готовить юношей по общеобразова-

те
по
ще
во
го
до
па
та
пр
ва
бе
то
ду
въ
на
но
вѣ
Бо
что
щ
ощ
ва
оби

скі
дум
сум
зов
имѣ
леб
наз
клас
въ
изм
по
съ
фак
не
188

тельному шаблону съ тѣмъ, чтобы въ послѣдніе спеціальныя классы поступали только по желанію, или по *призванію*. Чего лучше и проще! Но не скажете ли, гг., что образованъ, воспитанъ и закаленъ воина невозможно въ теченіе двухлѣтняго курса? Военная честь, благородство и величайшее самоотреченіе на службѣ Государю и отечеству достигаются нелегко и нескоро. Правда. Орлы черной горы, Черногорцы, напр., потому и непобѣдимы, что они съ пеленокъ дѣлаются орлятами, съ молокомъ матери всасываютъ духъ храбрости и всю жизнь проводятъ въ бояхъ. А бойцевъ за вѣру, воиновъ Христовыхъ, по вашему, можно выдѣлать въ *два* года, да еще — послѣ обезличеннаго, безхарактернаго общеобразовательнаго изнѣживанія?! Сами же, кромѣ того, утверждаете, что сословная школа и кастовая жизнь кладутъ на духовенство неизгладимую печать бурсацизма, не выдыхающуюся даже въ Сперанскихъ графахъ. Слѣдов., и ваша *общеобразовательная* семинарія — гимназія положитъ на будущихъ пастырей неизгладимый оттѣнокъ свѣтскости, весьма, какъ извѣстно, уступчивой въ вопросахъ вѣры, совѣсти, религіи и національности. Лучше ли это? Избави насъ, Богъ, отъ *свѣтскихъ* пастырей! Вы мотивируете свои положенія тѣмъ, что въ спеціальныя курсы будутъ поступать семинаристы только имѣющіе призваніе къ духовной карьерѣ. Да съ какой же стати вдругъ ощутитъ въ себѣ *призваніе* юноша, воспитанный съ пеленокъ (кастоваго духа не должно быть и въ семьѣ) въ какомъ то универсальномъ общеобразовательномъ духѣ! Или просто, думаете, что

«Душа поэта встрепенется».

и вдругъ захочетъ оставить отца, и мать, и всѣ свѣтскія развлеченія и идти въ слѣдъ *Его*? Благо бы такъ! Но думается, что призваніе пріобрѣтается и отъ воспитанія; оно сумма внѣшнихъ и внутреннихъ условій жизни вліяющихъ на образованіе характера въ человѣкѣ. Всякій человѣкъ, вкусивъ сладкое, имѣетъ уже отвращеніе отъ горькаго; послѣ блага хлѣба, не вкуса лебеда. Мы увѣрены, что при общеобразовательныхъ семинаріяхъ — гимназіяхъ, спеціально богословскій классъ служилъ бы развѣ моделью класса пустоты. Недалекъ примѣръ германскихъ даже университетовъ, въ которыхъ богословскіе факультеты подверглись знаменательнымъ измѣненіямъ въ послѣдніе десять лѣтъ. Процентный составъ упалъ: по протестантскимъ отдѣленіямъ съ 28 на 12, а въ католическихъ съ 11 на 3. При этомъ слѣдуетъ имѣть въ виду, что богословскій факультетъ германскихъ университетовъ заключаетъ въ себѣ кафедры, *не встрѣчающіяся* въ остальныхъ трехъ. («Церк. Вѣстн.» № 12, 1883 г.)

Не потому ли, съ одной стороны, и нынѣ явилось «оскудѣніе» въ кандидатахъ священства, что оскудѣло и самое *призваніе*; а почему оно оскудѣло? Потому, думается, что мы часто бѣгаемъ отъ словъ, не умѣя понять ихъ смысла, потому что семья и школа духовныя, особенно, первая, съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе утрачиваютъ прежній религіозный духъ касты. Послѣдняя много, конечно, вносила въ духовную семью своеобразнаго; въ этомъ своеобразномъ было пять неприятныхъ буквъ; но много было и хорошаго. Отраднo, конечно, видѣть слітіе духовной семьи съ другими сословіями, но вѣдь и въ прочихъ сословіяхъ есть много такого, что лучше бы вовсе не вносить въ нашу среду. Зло, вслѣдствіе испорченности природы, скорѣе прививается. Каста пала. Что же случилось съ духовной семьей? Она къ одному берегу не пристала, а отъ другаго отстала и плыветъ теперь безъ снастей внизъ по теченію. Куда то выплыветъ!?

Да будутъ, въ моемъ мнѣніи, духовныя семинаріи наши специальными заведеніями съ строго опредѣленною программою въ интересахъ и духъ православно-каѳолическаго духовенства. Псаломщики, діаконы и іереи вотъ продуктъ семинарій. Обученіе въ нихъ должно идти болѣе тѣсно съ строгимъ религіозно-нравственнымъ воспитаніемъ, хотя бы привелось для этой цѣли семинаріи преобразовать въ закрытыя заведенія, или, по крайней мѣрѣ, въ общежительныя, съ девизомъ: «всякъ идущій сюда, оставь надежду на свободу, подчинись суровой школѣ, ведущей къ цѣли *тѣснымъ путемъ и узкими вратами*». Кто не желаетъ послѣдовать этому предупрежденію—испытывай другія школы. Скажутъ: закрытое заведеніе, имѣя своего рода несовершенства, между прочимъ, не даетъ, необходимаго для будущихъ пастырей, знанія жизни. Что жъ? Жизни научить жизнь, а прежде всего ищите царства Божія и правды его и *сія вся приложатся вамъ*. Съ другой стороны, знакомство (раннее) воспитанниковъ съ жизнью нерѣдко набиваетъ преждевременныя *оскомины на зубы чадъ нашихъ*. Бывало, искусно скрываясь отъ взора инспектора (въ общежитіи это трудно), семинаристы по цѣлымъ недѣлямъ не заглядывали въ классы и не ночевали въ квартирахъ по нѣскольку сутокъ. Въ чемъ же проводили они время? Въ это время они познакомились съ жизнью и выносили реальное «познаніе добра и зла».... Можно представить, что за характеръ могъ выработаться у юношей, предоставленныхъ на произволъ собственныхъ влеченій. *Съ развращеннымъ развращенъ будешь*. Компанія жидовъ, мѣщанства, мелкаго чиновничества, живущаго идеаломъ *двадцатаго* числа каждаго мѣсяца, не можетъ дать здоровой пищи

для духовнаго роста будущихъ пастырей, вращающихся именно въ такой компаніи.

И тагъ, я наканунѣ іерейства. Познай самого себя. Но я не зналъ себя и не зналъ, какъ относиться къ предстоящей перемѣнѣ... Кажется, и я шелъ за *стадомъ*, стадный инстинктъ принимая за *призваніе*. Приходитъ на память картина «Стадо овецъ, низвергающееся въ море», въ которой за передовымъ бараномъ, не смотря на усилія пастуха, бросилось съ утеса въ бездну все стадо. Не есть ли картина эта, въ нѣкоторомъ родѣ, аллегорія выбора семинаристами карьеры, по окончаніи курса? Да простятъ меня товарищи въ грубомъ, но правдивомъ сравненіи! Конечно бываютъ и исключенія, въ родѣ нашего товарища Б-р-н-о-а. Кланяюсь ему и прошу прощенія въ осужденіи его. Доброхотное его поступленіе въ псаломщика казалось мнѣ юродствомъ. Умно ты распорядился собою: ты позналъ себя, испыталъ свое призваніе на дѣлѣ и служиши Богу и Царю безъ воздыханій въ другомъ теперъ вѣдомствѣ (*).

Тагъ сказать, сжегши, съ поставленія во діакона, корабли, противъ воли сталъ новичекъ подавлять въ себѣ запоздавшее чувство душевной и тревоги обуздывать мятущіеся помыслы наканунѣ посвященія. *Сила Божія въ немощныхъ совершается*, припомнилъ я любимый текстъ — поговорку своего родителя.

За литургіей, въ священническое рукоположеніе, я былъ настроенъ душевно иначе, чѣмъ въ первое посвященіе, сосредоточеннѣе и внимательнѣе къ своему положенію. При обхожденіи вокругъ престола, во время пѣнія «Исаія ликуй», и среди молитвы архипастыря: «Божественная благодать... проручествуетъ благоговѣйнаго діакона во пресвитера» я уже не въ силѣ былъ сдерживать свои слезы, капающія изъ глазъ. Насколько могу припомнить, первыя слезы были горькія. Приникнувшись лицомъ на алтарный помостъ, сердцемъ моимъ почувствовалъ вдругъ, что я навсегда долженъ теперъ разстаться съ земными радостями: я теперъ назорей... Но—что за необъяснимый внутренній міръ заключается въ сердцѣ человѣка!—въ ту же минуту за горькою слезою катились другія слезы, въ которыхъ было меньше горечи. Въ ту пору, впрочемъ, я почему то стыдился этихъ слезъ, а теперъ сознаю, что онѣ были бальзамомъ на раны моего сердца, подъ вліяніемъ божественно-торжественной минуты умягченнаго росой духа. *Ἄξιός*, отчетливо произнесенный владыкою, громко повторенный слу-

(*) Псаломщикомъ Б—въ былъ не болѣе 2 лѣтъ, а нынѣ онъ въ гражданской службѣ.

жащими и эхомъ прозвучавшій отъ клироса по всему храму, ободрить и какъ бы возвысилъ меня въ собственныхъ глазахъ. Вотъ, наконецъ, и я стою въ ряду священнаго собора, съ епископомъ, архимандритомъ, протоіереями и іереями! Положеніе — для юноши внушительное. Къ сожалѣнію, многознаменательное и внушительное завѣщаніе епископа: «прими залогъ сей святой и сохрани его цѣль и невредимъ, до послѣдняго твоего издыханія: о немъ же имаша истязанъ быти во второе и страшное пришествіе великаго Господа Бога и Спаса нашего Іисуса Христа!... выслушано мною не съ должнымъ вниманіемъ, потому что, при видѣ вручаемаго мнѣ св. Агнца, пришло на мысль незнаніе наизусть предпричастныхъ молитвъ: «Вѣрую, Господи и исповѣдую». Вообще, незнаніе богослуженія не мало отравляетъ священныя минуты, одинажды въ жизни переживаемыя священниками, при рукоположеніи своемъ.

Практиковаться въ священнослуженіи привелосі недолго. Послѣ трехъ литургій, отправленныхъ въ крестовой церкви, я былъ отпущенъ во свояси, съ слѣдующимъ краткимъ наставленіемъ владыки: «служи чаще и благоговѣйнѣе. Замѣчаю въ васъ, молодыхъ, какое-то равнодушіе при богослуженіи, съ просфорами обращаетесь, какъ съ дровами; творяй дѣло Божіе съ небреженіемъ подлежитъ проклятію; помни, что содержитъ сія грамота; учись и учи другихъ, проповѣдуй чаще, не лѣнись писать проповѣди, вначалѣ облѣниться, послѣ и перо не знаешь какъ въ руки взять; живи мирно съ прихожанами».

Къ услугамъ моимъ снова явилась нѣмая свидѣтельница дорожныхъ думъ моихъ — зимняя кибитка. Много новыхъ впечатлѣній и нерѣшенныхъ вопросовъ уносилъ въ душѣ своей новопоставленный іерей. Впрочемъ, на душѣ его было легче, чѣмъ въ передній путь. Рубиконъ уже пройденъ. Тѣхъ *мытарствъ*, чрезъ какія проводятъ бытописатели и беллетристы à la Лѣсковъ ставленниковъ, нашему кандидату не пришлось встрѣтить въ епархіальномъ городѣ, если не считать вышепомянутаго столкновенія съ келейникомъ. Въ епархіальномъ управленіи видны были уже новые порядки, которыми наша молодая епархія успѣла опередить нѣкоторыя другія. Вслѣдствіе десятилѣтней давности, полагаю, не грѣшно подвести итогъ и расходовъ при поставленіи въ оба сана. Протодіакону дано 2 р., двумъ иподіаконамъ по «канарейкѣ», на хоръ 3 р., духовнику 1 р. и за грамоту 4 р. При послѣдней платѣ опять не обошлось безъ непріятнаго tête à tête съ келейникомъ, руками котораго изготовлялись грамоты. Итого весь расходъ: 12 руб. Современные блюстители нашихъ нравовъ, пожалуй, признають и эту

цифру деморализующую нравы. Будьте снисходительны! При ненормальном обеспеченіи нашихъ священноцерковнослужителей, *благодарности* не могутъ быть безнравственными. *Не заграждай уста вола молотьяца*, если заранѣе досыта не накормилъ его. Вотъ, если такіе откормленные *волы*, какъ Магшѣвы, Буши, Врангели и К°, сами допускаютъ себя кормиться молотящимся хлѣбомъ—это бушменство называется уже хищничествомъ. У насъ—не то. Пальма первенства «сдиранія съ живаго и съ мертваго» предвосхищена нынѣ у духовенства другими сословіями. Объ этомъ вопіютъ на небо балканскія могилы воиновъ православныхъ и погонцевъ. «Интендантскія компании подъ разными названіями обирали солдатиковъ во все время теченія крови изъ живаго и мертваго въ турецко-славянскую войну. Другіе высокопоставленные стражи также, расхищали казенное добро въ теченіе *многихъ* лѣтъ («Ц. О. В.» № 32, 1883 г.)». Отъ поборовъ же духовенства, благодаря Бога, никто не разоренъ и непогубленъ. «Въ общемъ итогѣ наше православное духовенство болѣе нравственно, нежели другія сословія («Свѣтъ» № 56, 1883 г.)». Спасибо на добромъ словѣ».

(Продолженіе будетъ)

Журнальное обозрѣніе.

«Чтенія въ Обществѣ любителей духовнаго просвѣщенія». Февраль 1883 г. Въ статьѣ «Пророчественно—прообразовательный смыслъ и значеніе книги пророка Іоны» г. И. Соловьевъ толково выясняетъ, что смыслъ этоть и значеніе книги пр. Іоны заключаются не просто въ томъ, что Іона своимъ трехдневнымъ пребываніемъ во чревѣ китовъ прообразовалъ трехдневное пребываніе въ землѣ тѣла Христа Спасителя, какъ думаютъ нѣкоторые, на основаніи словъ послѣдняго (Мѡ. 12, 38—40 ср. 16. 4), не углубляясь много въ смыслъ ихъ, а главнымъ образомъ въ словѣ Іеговы, бывшемъ къ Іонѣ о томъ, чтобы онъ шелъ въ Ниневію и проповѣдывалъ въ ней, что вопль злобы ея дошелъ до самаго неба (Іона—1, 1—2) и что еще сорокъ днсей и она будетъ разрушена (3, 1—3. Т. е., по объясненію г. Соловьева, пророческій смыслъ книги пр. Іоны состоитъ въ томъ, что не одни іудеи, но и язычники примутъ участіе въ спасеніи чрезъ вѣру въ ожидаемаго первыми Мессію. При такомъ пониманіи, отвѣтъ Спасителя книжникамъ и фарисеямъ, требовавшимъ отъ Него знаменія

Его Мессіанскаго достоинства, глубже и вполне уясняется: *мужіе Ниневитстїи востанутъ на судъ съ родомъ симъ и осудятъ его, яко покаяшася проповѣдію Іониною; и се болю Іоны здохъ.*

Во второй статьѣ «Чтеній» — «Аѳонскіе книжники» извѣстный нашъ еленистъ — Епископъ Порфирій знакомитъ насъ съ тѣмъ, какъ относились къ наукѣ и что сдѣлали для нея обитатели Аѳона до и послѣ завоеванія послѣдняго турками. По словамъ автора, Аѳонскіе монахи проводили и проводятъ жизнь свою въ богомыслии и молитвѣ, и не занимались науками. «Только рѣдкіе изъ нихъ оставили послѣ себя кое какія книжныя издѣлія». Самыя лучшія умственныя произведенія аѳонитовъ, появившіяся до подчиненія Аѳона туркамъ, суть слѣдующія: 1) Вѣроисповѣдное посланіе ихъ къ царю Михаилу Палеологу, когда этотъ послѣдній хотѣлъ ввести унію въ монастыри аѳонскіе; 2) Канонъ отцамъ и троичные припѣвы, подвизавшимся на Аѳонѣ, Григорія Синаита; 3) Богословско-обличительныя письма Григорія Паламы къ еретикамъ Варлааму и Акиндину и его «физическія, богословскія, нравственныя, практическія и очищающія отъ заразы Варлаама главы»; 4) Томъ аѳонскихъ исихастовъ о ѳаворскомъ свѣтѣ и о благодатномъ озареніи. Между аѳонскими книжниками, жившими послѣ подчиненія туркамъ Аѳона, Епископъ Порфирій указываетъ, какъ болѣе выдающихся, монаха Критовула, извѣстнаго русскимъ ученаго Максима Грека, Іерофея іеромонаха, плодовитаго стихотворца Кесарія Далонте, Евгенія Вулгариса, бывшаго русскимъ архіепископомъ при Екаторинѣ II, и «нѣкоего Миссолонгскаго священно-проповѣдника». Между трудами этихъ книжниковъ мы обратимъ вниманіе читателей только на разсужденіе неизвѣстнаго Миссолонгскаго священно-проповѣдника о позднихъ и излишнихъ прибавкахъ къ литургіямъ св. Іоанна Златоустаго и св. Василія Великаго, полный переводъ коего представляетъ и авторъ «аѳонскихъ книжниковъ» въ своемъ сочиненіи.

Авторъ разсужденія фактически доказываетъ, что молитвы о божественномъ присушествленіи Св. Даровъ испорчены вставкою не идущихъ къ дѣлу нѣкоторыхъ молитвъ, — испорчены до того, что грамматическій смыслъ означенныхъ молитвъ теряется, а главное выходитъ, будто онѣ обращены не къ Отцу, а къ Іисусу Христу. Въ древнихъ спискахъ литургіи св. Василія Великаго молитва о пресушествленіи читается такъ: *Тебѣ молимся и Тебе призываемъ святе святыхъ благоволеніемъ Твоя благости приити Духу Твоему Святому на ны и на предлежащія дары сія, и благословити я, и освятити и показати хлѣбъ убо сей самое честное тѣло Господа и Бога и Спа-*

са нашего Иисуса Христа, чашу же сію самую честную кровь Господа и т. д. Также правильно читается и въ древнемъ спискѣ литургіи св. Іоанна Златоустаго это моленіе: *посли Духа Твоего Святаго на ны и на подлежащія дары сія, и сотвори убо хлѣбъ сей честное тѣло Христа Твоего, а еже въ чашѣ сей честную кровь Христа Твоего.* Въ позднѣйшихъ же спискахъ вставлены молитвы «Боже, очисти мя грѣшнаго»; «Господи, иже Пресвятаго Твоего Духа» и т. д. — въ литургіи св. Василія Великаго послѣ словъ «и освятити и показати», а въ литургіи св. Іоанна Златоустаго послѣ слова «и сотвори». По мнѣнію Миссолонгскаго проповѣдника, эта вставка допущена какимъ нибудь хотя православнымъ, но неблагоразумнымъ и простымъ (необразованнымъ) лицомъ. Епископъ же Порфирій нашель, что подобныя вставки произносятся уже въ теченіи 500 лѣтъ въ алтарѣ и что въ нѣкоторыхъ греческихъ спискахъ литургій сказано, что вставочныя молитвы должно произносить *въ себѣ, тайно.* На этомъ основаніи онъ не находитъ нужнымъ отмѣнять эти вставки, а внушаетъ какъ мірянамъ, такъ и іереямъ произносить ихъ тайно про себя въ то время, какъ самая молитва о пресуществленіи должна произноситься безъ перерыву и быть обращена къ Богу Отцу. — Статья «Изъ исторіи религіозныхъ сектъ въ Америкѣ» Епископа Іоанна раскрываетъ читателю, что конгрегаціоналисты — религіозная секта — явились въ средѣ Англиканской церкви назадъ тому болѣе 300 лѣтъ вслѣдствіе насильственныхъ мѣръ высшихъ представителей церковной власти по отношенію къ вѣрующимъ, а также вслѣдствіе крайняго нечестиваго и распущенности пастырей церкви, и что секта конгрегаціоналистовъ и по сіе время не создала для себя опредѣленнаго очертанія. Для насъ интереснѣе слѣдующая статья Г. Борсунскаго «Отношеніе Филарета, митрополита Московскаго, къ вопросу о переводѣ Библии на русскій языкъ въ царствованіе Императора Николая Павловича». Изъ этой статьи мы узнаемъ, что въ царствованіе послѣдняго боролись между собою три теченія относительно перевода св. книгъ на родной языкъ. Первое теченіе было противъ всякаго перевода и распространенія св. книгъ въ народѣ, чтобы св. писаніе не подверглось профанаціи. Второе теченіе хотѣло возвести на степень неприкосновенности переводъ славянскаго библіи съ греческаго LXX толковниковъ. Оба эти теченія находились подъ вліяніемъ католическихъ взглядовъ. Третье теченіе желало перевода св. книгъ на русскій языкъ. Представителемъ послѣдняго былъ Филаретъ, митрополитъ Московскій. Теченіе послѣдняго одержало верхъ лишь въ царствованіе покойнаго Им-

ператора Александра Николаевича. И вотъ «мы теперь уже лѣтъ семь какъ имѣемъ цѣлую русскую библію, переводъ которой совершился на началахъ, положенныхъ святителемъ Московскимъ Филаретомъ».

Нельзя не обратить вниманія читателя на библиографическую замѣтку о сочиненіи свящ. Буткевича «Жизнь Господа нашего І. Христа, Моск. 1883 г.» и на самое это сочиненіе, потому что оно по своимъ достоинствамъ не уступаетъ исторіи Богословскаго, Горскаго, Ците въ переводѣ Орды, Фаррара въ переводѣ Матвѣева.

Въ «Трудахъ Кіевской Дух. Академіи» за Мартъ 1883 г. помѣщено продолженіе изъ «Чтеній по Догматическому Богословію» о. архим. Сильвестра. Здѣсь авторъ, по принятому имъ плану, раскрываетъ, что душа человѣка безсмертна, что именно въ ней заключается образъ Божій, по которому созданъ человѣкъ, что частнѣйшія черты этого образа заключаются въ разумности, свободѣ, въ любви и религіозномъ чувствѣ души и наконецъ, въ способности человѣка господствовать въ мірѣ. Въ статьѣ «Ближайшіе сотрудники Оригена въ дѣлѣ церковной проповѣди» Г. Пѣвницкій доказываетъ, что таковыми были св. Діонисій, епископъ Александрійскій, Піерій, начальникъ и учитель Александрійской огласительной школы, прозванный младшимъ Оригеномъ, и Петръ, епископъ Александрійскій.

Въ изслѣдованіи «Ученіе Шлейермахера о религіи» Г. Орнатскій довольно подробно излагаетъ ученіе о религіи этого нѣмецкаго мистическаго богослова на основаніи его «Рѣчей о религіи», предварительно выяснивъ, какимъ образомъ возникло такое ученіе у Шлейермахера и какъ оно относится къ другимъ современнымъ ему религіознымъ направленіямъ въ Германіи. Въ противоположность раціонализму, выступившему противъ ортодоксальнаго ученія и смотрѣвшему на религію, какъ на сводъ общихъ понятій естественнаго человѣческаго разума о Богѣ, провидѣніи, безсмертіи, или какъ на моральную дѣятельность, съ другой стороны, въ противоположность романтическому направленію, замѣнившему религію эстетическимъ чувствомъ и искусствами, въ противоположность обоимъ этимъ направленіямъ, для спасенія религіи, Шлейермахеръ стремится вывести и объяснить послѣднюю изъ внутренней законосообразной потребности сердца, изъ глубины сердца, изъ внутренняго чувства. «Все движущее насъ въ чувствованіи сознавать въ высшемъ единствѣ какъ одно и то же, и все единичное и частное сознавать, какъ опосредствованное только этимъ высшимъ единствомъ, слѣд. все наше бытіе и всю нашу жизнь сознавать въ Богѣ и чрезъ Бога,—вотъ въ чемъ состоитъ религія, или благочестіе», говоритъ

Шлейермахеръ. Какъ не трудно видѣть, такой взглядъ Шлейермахера отзывается мистическимъ пантеизмомъ.

Въ своемъ изслѣдованіи «Нравственность и нравственное ученіе китайцевъ», помѣщенномъ въ мартовской книжкѣ «Трудовъ» Г. Олесницкій подробно знакомитъ съ нравственными взглядами китайцевъ на отношенія ихъ къ божеству, къ самимъ себѣ, къ другимъ людямъ—сначала къ своей семьѣ, а затѣмъ къ правителю въ государствѣ и остальнымъ членамъ послѣдняго. По мнѣнію Г. Олесницкаго, у китайцевъ никакихъ отношеній къ божеству быть не можетъ, и потому у нихъ нѣтъ жрецовъ, молитвъ и другихъ внѣшнихъ выраженій религіозной жизни. Соціальная жизнь у китайцевъ совершенно поглощаетъ собою личность, индивидуальность и имѣетъ семейный характеръ и духъ, потому что китайцы стоятъ на первой и самой низшей ступени исторической жизни, каковою (ступенью) является семейство.—Кромѣ господствующаго въ Китаѣ ученія Кон-фу-тзы, въ немъ же распространено и ученіе Ла-о-тзы. Въ то время, какъ въ основѣ ученія Конфутзы лежитъ двухсоставное начало—первоматерія и перво-сила,—въ основѣ ученія Лаотзы—ставится неопредѣленное, безразличное, молчаливое, безъ всякихъ свойствъ и проявленій начало. Словомъ, ученіе Лаотзы имѣетъ индійскую печать.

Нравственнаго ученія японцевъ авторъ не разсматриваетъ подробно, потому что оно представляетъ собою смѣсь китайскаго и индійскаго ученія.

Въ апрѣльской книжкѣ «Трудовъ» сего 1883 г. тотъ же авторъ знакомитъ читателя съ «нравственностію и нравственнымъ ученіемъ индійцевъ». Сначала онъ раскрываетъ теоретическое ученіе индійской религіи (догматическое), а затѣмъ, какъ слѣдствіе послѣдняго, практическое. По мнѣнію автора въ противоположность прозаизму катаяскому, міровоззрѣніе индійское отличается обиліемъ идеализма и отвлеченной созерцательности. Ученіе индійцевъ чисто идеальное—пантеистическое. Комическая сторона этого ученія рѣзко обнаруживается въ несоотвѣствіи неимоверно тяжелыхъ аскетическихъ подвиговъ съ ничтожною идеальною цѣлю ихъ.

Въ статьѣ «Вѣра древнихъ русскихъ христіанъ въ небесныя знаменія», помѣщенной въ апрѣльской книжкѣ «Трудовъ», г. Сенаторскій сообщаетъ, что эта вѣра во вліяніе небесныхъ тѣлъ, какъ и различныхъ явленій и предметовъ природы, на жизнь человека сложилась у древнихъ русскихъ христіанъ, съ одной стороны подъ вліяніемъ ихъ языческихъ вѣрованій, по которымъ они видѣли во всемъ окружающемъ божество, съ другой, подъ вліяніемъ греческихъ и славянскихъ

астрологическихъ гадательныхъ книгъ, унаслѣдованныхъ русскими отъ Византіи вмѣстѣ съ христіанскою вѣрою. Только подъ вліяніемъ послѣдней, подобно грекамъ, русскіе стали смотрѣть на небесныя знаменія, какъ на особенные знаки гнѣва или милости Божіей. Статья г. Сенаторскаго полезна для священниковъ въ борьбѣ ихъ съ народными суевѣріями.—Замѣтка «Изъ исторіи евангелическо лютеранской церкви и общины въ Кіевѣ», помѣщенной также въ апрѣльской книжкѣ «Трудовъ» представляетъ собою извлеченіе изъ нѣмецкаго сочиненія «Исторія евангелическо-лютеранской церкви и общины въ Кіевѣ» соч. Неезе. Она любопытна въ томъ отношеніи, что показываетъ, какъ быстро развилась и окрѣпла означенная община въ какія нибудь сто лѣтъ своего существованія, благодаря энергіи ея членовъ и тѣсному единенію между ними и членами другихъ лютеранскихъ общинъ, разсѣянныхъ по нашей матушкѣ Россіи.

Въ замѣткѣ «Изъ неизданныхъ рукописей архіепископа Иннокентія Борисова» г. Мацѣвича для насъ собственно интересенъ взглядъ автора на полное Вольфовское изданіе сочиненій нашего знаменитаго проповѣдника Иннокентія Херсонскаго. По мнѣнію автора, изданіе Вольфа не полно, составлено безпорядочно, небрежно, безъ всякаго хронологическаго порядка и безъ всякихъ библіографическихъ замѣтокъ, очевидно, оно предпринято съ коммерческимъ расчетомъ на популярность Иннокентьевскаго имени.—Вслѣдъ за своею замѣткою авторъ помѣщаетъ неизданныя сочиненія Иннокентія, составленныя послѣднимъ въ періодъ его студенчества.

П. П.—вз.

Иноепархіальныя вѣдомости.

*Братскій советъ новорукположенному въ сельскій приходъ священнику (Продолженіе *). — Предложеніе Высокопреосвященнаго Аполоаса Вятской Духовной Консисторіи.*

Разсмотримъ же теперь, собрать, что значить слово Господа: *Духъ дышетъ, гдѣ хочетъ, и голосъ его слышишь, и не знаешь, откуда приходитъ и куда уходитъ?*

Созиданіе на землѣ спасительнаго царства Христова есть дѣло

*) Смотри. № 12 «Оренб. Епарх. Вѣд.».

Трипостаснаго Бога, почему и совершается оно тройственно-единымъ дѣйствіемъ божественной любви. 1) *Духъ дышетъ, гдѣ хочетъ.* Это духъ Отца Промыслителя, дышущій въ міръ по своей свободной волѣ, не стѣсняемый никакими физическими законами и препятствіями, направляющій ко благу жизнь и лицъ и обществъ и подготовляющій ихъ возрожденіе для своего небснаго царства. Въ этомъ смыслѣ сказалъ Господь: *никто не можетъ прійти ко Мнѣ, если не привлечетъ его Отецъ, пославшій Меня.* 2) *Голосъ его слышишь.* Это чувственный голосъ Спасителя Богочеловѣка, какъ слышанный Никодимомъ, такъ доступный чувству каждаго человѣка. *Овцы Мои* всѣ безъ исключенія во всѣ вѣка и времена *слушаютъ голоса Моего,* сказалъ Господь объ этомъ Своемъ голосѣ. 3) *А не знаешь, откуда приходитъ и куда уходитъ.* Этимъ словомъ (въ противоположность нашествіямъ восточныхъ деспотовъ-завоевателей, приходившихъ съ мечемъ и огнемъ, уходящихъ съ награбленною добычею и рыдающими плѣнниками и оставляющихъ за собою на столѣтія памятную пустыню развалинь) Господь охарактеризовалъ то благодатное дѣйствіе Духа Освятителя—тихое, нечувствительное, неощутительное для души, не подавляющее ни природы, ни свободы человѣческой, которымъ противникъ Божій совершенно плѣняется въ послушаніе вѣры и изъ душевной становится духовною *новою тварію.* Мы знаемъ, откуда приходитъ и куда уходитъ *вѣтеръ:* если приходитъ отъ сѣвера, то уходитъ къ югу... Открылъ намъ Господь и Свое прихождение и уходъ: *Я изшелъ отъ Отца и пришелъ въ міръ: и опять оставляю міръ и иду къ Отцу.* Знаемъ мы изъ слова Божія и то, что Духъ Святой ипостасно *отъ Отца исходитъ* и въ Сынѣ почиваетъ. Если же здѣсь Господь сказалъ: *не знаешь, откуда приходитъ и куда уходитъ,* то ясно, что здѣсь Онъ разумѣлъ то таинственное отъ Духа Святаго прикосновеніе къ душѣ человѣка, которое, не опредѣляясь въ началѣ и концѣ своего появленія никакимъ потрясающимъ моментомъ, оставляетъ однакоже по себѣ тотъ, по прекрасному выраженію пророка *глаголъ въ сердцѣ* (Осн, 2. 14), при которомъ у человѣка немощнаго «отверзаются душевныя зѣницы, какъ у испуганной орлицы» представляются восхищенному духу неотразимо чарующіе «звуки небесъ» и зажигается въ сердцѣ тотъ вѣчный пламень *любви Божіей,* котораго не могутъ погасить *ни скорбь, ни тѣснота,* ни мученія, ни смерть. Въ этомъ смыслѣ Духъ Святой называется: *Утѣшитель.*

Но если пути Промысла для насъ большею частію неувидимы, а

дѣйствія Благодати непостижимы, то голосъ Сына Божія, Богочеловѣка, для насъ и ясенъ и подлежитъ описанію. Какъ же теперь слышится намъ голосъ Сына Божія? Слышится иногда непосредственно во снѣ и видѣніяхъ тѣмъ избранныкамъ, *кому волилъ Сынъ открыть*; слышится въ св. писаніи и св. преданіи новаго завѣта; слышится въ богослуженіи и постановленіяхъ православной церкви; слышится въ церковной проповѣди и во всей церковной литературѣ; наконецъ, — позволите ли сказать истину, не зря на лица? — или слышится, или долженъ слышаться въ словахъ и дѣлахъ жизни всѣхъ членовъ церковной іерархіи... *Такъ бываетъ*, сказалъ Господь, т. е. такъ голосъ Сына Божія присущъ *со всякимъ рожденнымъ отъ Духа*.

Вотъ на Дамасской дорогѣ лютый гонитель церкви Божіей, дышущій прещеніемъ и убійствомъ къ смиреннымъ овцамъ стада Христова. Но вдругъ на пути онъ слышитъ голосъ Сына Божія... И совершается его возрожденіе отъ воды и Духа и становится онъ *избраннымъ сосудомъ благодати* въ церкви Христовой! Не поразилъ его Господь ни нѣмотою, ни проказою, не назвалъ даже *извергомъ*, какъ самъ онъ потомъ называлъ себя. Одно слышитъ онъ кроткое слово Божественной любви: *Савлъ! Савлъ! Что ты гонишь меня? Трудно тебѣ идти противъ рожна*. И это слово на вѣки покорило его царству Божію. Если онъ ослѣпъ на минуту отъ славы видѣнія, то это въ знаменіе слѣпоты прежней и прозрѣнія новаго въ вѣрѣ и въ урокъ заблудшему фарисею, что явленіе Мессіи въ томъ блестящемъ, небесномъ видѣ, о какомъ онъ мечталъ себѣ, было бы невыносимо для чувственнаго человѣческаго рода. Но ни волосъ не палъ съ головы его, никакихъ правъ житейскихъ не лишился онъ, душа и тѣло и даже *накостникъ плоти* — въ языкѣ, въ дигціи остались тѣже, а между тѣмъ какая разительная перемена въ духѣ! Если бы мы могли спросить: скажи намъ, учитель нашъ, *како вселися въ ты сила Христова?* — то онъ отвѣтилъ бы намъ: *не знаю*. Голосъ Сына Божія услышалъ я на пути, а потомъ въ домѣ священникъ Ананія крестилъ меня, возложилъ на меня руки и я исполнился Св. Духа. Одно знаю, что *у меня нѣтъ недостатка предъ прочими апостолами и что я больше всѣхъ ихъ потрудился, но не я, а благодать Божія, сущая со мною*.

Вотъ на стропотной Газской дорогѣ тихо ѣдетъ въ колесницѣ евнухъ Кандакіи. Духъ Отца небеснаго, дышущій въ Эѳіопіи, привлечь его въ Іерусалимъ на брачную вечерю Сына Своего. Кто то изъ священниковъ, вѣроятно въ награду за вклады и пожертвованія, подарилъ

ему свитокъ пророчествъ Исаи. И читалъ онъ свитокъ, любуясь вдохновенною пророческою рѣчью, значенія которой не понималъ. Но тотъ же духъ Отца небеснаго здѣсь же на дорогѣ послалъ ему проповѣдника... *И Филиппъ отверзъ уста свои и услышалъ евуухъ голосъ Сына Божія изъ устъ Филиппа, и сошли съ вода и крестилъ его Филиппъ. Когда же они вышли изъ воды, Духъ Святой сошелъ на евууха и продолжалъ онъ путь свой, радуясь о Спасителѣ и Утѣшителѣ.*

Вотъ Онисимъ, *негодный* рабъ Филимоновъ, обокравшій своего господина и заключенный въ темницу. Казалось бы, чему доброму можетъ научиться арестантъ въ обществѣ подобныхъ себѣ преступниковъ? Но въ эту же темницу Отецъ небесный привелъ *узника*, святаго, апостола Павла. Рѣчи и молитвенныя пѣснопѣнія Павловы поразили преступнаго раба. И услышалъ Онисимъ голосъ Сына Божія изъ устъ Павловыхъ, и исповѣдался во грѣхѣ своемъ, и возвращень былъ господину своему Филимону съ богатѣйшемъ для всей церкви даромъ—посланіемъ апостола: *прошу, не иной кто, какъ я, Павелъ старецъ, а теперь и узникъ Иисуса Христа: прошу тебя, братъ Филимонъ, о сынъ моемъ Онисимъ, котораго родилъ я во узахъ моихъ, онъ былъ нѣкогда негоденъ тебѣ, а теперь годенъ тебѣ и мнѣ: я возвращаю его. Ты же прими его, какъ мое сердце: не какъ уже раба, но выше раба, брата возлюбленнаго, особенно мнѣ, а тѣмъ больше тебѣ, и по плоти, и въ Господѣ.* Такимъ-то образомъ совершился первый въ царствѣ Христовомъ актъ освобожденія отъ рабства крѣпостныхъ людей.

Вотъ бѣдный юноша, сраженный несчастьемъ и впавшій въ отчаяніе. Въ ограниченной суммѣ своихъ естественныхъ силъ онъ не нашелъ опоры для борьбы съ пронзающими его обстоятельствами и въ мрачной душѣ возникла роковая нужда покончить съ собою. Схвативъ въ карманъ веревку, онъ спѣшитъ въ лѣсъ къ предательскому дереву. Но вотъ на пути отверстая церковь: Отецъ небесный привлекъ его къ Сыну-Спасителю. Входъ его въ церковь совпалъ съ выходомъ священника на кафедру для проповѣди и первое, что поразило мрачное сердце бѣдняка, это текстъ евангелія: *пришелъ Сынъ человеческій възскасть и спасти погибшаго.* Глубоко запало въ душу несчастнаго это божественное слово. Онъ понялъ, что не всеми оставлень, что есть у него Пастырь Добрый, съ нимъ состраждущій и руководящій его ко спасенію путемъ крестнымъ: и спала съ него чешуя отчаянія, обнажились тѣ точки, которыми душа человѣческая соприкасается съ Богомъ, и *спасена овца погибшая.*

Вотъ предприимчивый купецъ возвращается въ свой городъ изъ торговаго путешествія, но городъ пораженъ моровою язвою. Со страхомъ и надеждою спѣшитъ онъ къ родному очагу, но... домъ заколоченъ: черная смерть похитила все—все дорогое сердцу. Несчастный остолбенѣлъ... Патологическій кризисъ наступаетъ. Обезумѣвшій отъ нежданнаго горя наклоняется къ землѣ и уже хватаетъ горсть пыли, чтобы съ проклятіемъ швырнуть ее въ небо. Но вотъ изъ ближайшей церкви понеслось стройное пѣніе клира: «Царю небесный, Утѣшителю, Душе истины»... Какъ звуки арфы серафимской отозвались въ глубоко павшей душѣ эти слова давно знакомой пѣсни! Онъ снова остолбенѣлъ, но уже не къ смерти, а къ животу. И спѣшитъ онъ на голосъ Божій подь кровь Утѣшителя, изливается въ слезахъ, предаетъ себя волѣ Божіей и *обрътется погибшая драхма*.

Вотъ на равнинахъ Скиѳіи возникаетъ новое княжество съ сомнительными задатками на будущность. «Земля наша велика и обильна, а порядка въ ней нѣтъ», говоритъ не разъ и не два народное сознаніе. Но духъ язычества не въ силахъ дать порядка личности, семейству, обществу, государству: и Промыслъ Божій толкаетъ русскихъ князей *къ югу*, откуда по выраженію пророка *приходитъ Богъ* порядка. Воинственная натура нашихъ предковъ ищетъ матеріальной добычи у богатыхъ Грековъ, а высшее неотразимое требованіе ихъ духа, руководимое требованіями Высшаго Порядка, невѣдомо для ихъ сознанія *искало прикоснуться* къ церкви Христовой, отъ которой исходятъ *силы*, исправляющія всѣ беспорядки разстроенной грѣхомъ природы человѣческой. И услышали наши предки голосъ Сына Божія въ церкви греческой, вошла божественная сила православія въ души варваровъ, равнины Скиѳскія стали Араратомъ ковчега православія *и гора дома Россійскаго стала во главѣ горъ и возвысилась надъ холмами и текутъ къ ней племена и собираются народы*... Почему же въ нашей церкви все мирно, все духовно? Почему она никогда не подчиняла себѣ власть государственную, какъ папство, и никогда сама не подчиняла своихъ догматовъ власти государственной, какъ лютеранство? Почему никакой нарость суетной мысли человѣческой, никакая страсть грѣховная не осквернили чистоту ея ученія? Почему ни одной капли крови не требуетъ она отъ своихъ прозелитовъ за блаженство принадлежать къ ея стаду? Почему она не съ мечемъ и разрушеніемъ, не съ лестію іезуитскою, а съ любовью къ приѣмлющимъ и состраданіемъ къ упорнымъ посылаетъ своихъ миссіонеровъ въ среду чужую? Почему ея пастыри не отравители, а печальники народнаго благосостоя-

изъ
стра-
коло-
гный
отъ
были,
ишей
челю,
боко
блѣ,
ожій
волѣ
сом-
бна,
озна-
мей-
кихъ
ряд-
обы-
духа,
зна-
дять
роды
ркви
овъ,
дома
и и
шей
няла
дчи-
тво?
астъ
шли
ина-
не
іемъ
По-
тоя-

ніа? Почему въ ней «нѣтъ той напыщенной эффектаціи, той суеты, тѣхъ внѣшнихъ, льстящихъ оку и слуху приманокъ, тѣхъ потакающихъ уму и сердцу поблажекъ, которымъ панство послѣ прямого насилія обязано едвали не большинствомъ своихъ прозелитовъ»? На всѣ эти вопросы одинъ отвѣтъ: потому, что наша Греко-россійская церковь есть истинное тѣло Сына Божія, есть истинный органъ Духа Святаго.

Мы, собратъ, тѣ благороднѣйшіе, тѣ выдающіеся головные члены тѣла Христова, по которымъ зрители прежде всего судятъ и заключаютъ о состояніи всего церковнаго организма. Спрашивали ли вы себя, что значить слово Господа: *Сынъ человеческій пришелъ не судить міру, но спасти міръ?* Задумывались ли вы надъ словомъ апостола: *кто Духа Христова не имѣетъ, тотъ и не Его?* Задавали ли вы себѣ вопросъ, — что значить: *не господствовать надъ насладіемъ Божиимъ, но подавать примѣръ стаду?* Приходило ли вамъ на мысль, что вы на то именно поставлены, чтобы во всѣхъ вашихъ словахъ и дѣлахъ *слышали голосъ Сына Божія* — мирный, кроткій, благостный, любвеобильный? Это вопросы вашей совѣсти, эта тайна святаго святыхъ вашей души. Но если вы работали *духомъ и умомъ* надъ этими вопросами, если *вторю вселенся Христосъ въ сердце ваше*, то вы не ограничите своей службы извѣстнымъ кругомъ машинальнаго требо-исправительства, нѣтъ, тогда границы вашего требника, или что то же, предѣлы вашего сердца раздвинутся въ длину и широту, тогда вы убѣдитесь, что нива Божія есть поприще вашей дѣятельной любви, — что гдѣ люди, тамъ и ихъ нужды, а гдѣ нужды, тамъ и наше пастырское требоисправление.

Когда священникъ при встрѣчѣ съ миряниномъ первый ласково привѣтствуетъ его какъ брата, какъ друга, то онъ совершаетъ потребу. Спросите Макарія Египетскаго, какую важную потребу совершилъ онъ, ласково привѣтствовавъ на пути въ Нитрійскій скитъ жестокаго жреца идольскаго? Благодатный старецъ расскажетъ вамъ, что пораженный его ласкою жрецъ палъ къ ногамъ его съ мольбою: «вижу, что ты человекъ Божій, — не отпущу тебя, пока ты не сдѣлаешь меня подобнымъ себѣ». При этомъ вы получите назиданіе, что «худое слово и добрыхъ дѣлаетъ худыми, а доброе слово и худыхъ дѣлаетъ добрыми».

Когда священникъ, увидѣвъ на улицѣ толпу ребятишекъ, валяющихся въ пыли, выбрикивающихъ скверныя слова и ругающихъ другъ друга «въ батька — въ матеръ», остановится между ними, приблизитъ ихъ къ себѣ, поведетъ съ ними дружескую рѣчь о богопротивности

ихъ ругательствъ, и одного-другаго поласкаетъ, третьему-четвертому подарить тутъ же имѣющиеся въ карманномъ запасѣ крестики; а пятому замѣтить твердо, что онъ, какъ дитя Божіе, какъ чадо Христово, не долженъ произносить рѣчей діавольскихъ, то онъ совершаетъ потребу. Спросите св. Игнатія Богоносца объ его дѣтскихъ впечатлѣніяхъ, и старецъ — священномученикъ и по смерти убѣдитъ васъ, какъ неизгладимо напечатлѣлось въ его сердцѣ имя Господа Исуса, приласкавшаго въ числѣ прочихъ дѣтей и его, малютку, и указавшаго въ немъ наследника царства небеснаго.

Когда по окончаніи литургіи, въ родительскую субботу, священникъ вспомнивъ бѣднѣйшихъ изъ своихъ прихожанъ и подзававъ къ себѣ нѣсколько старушекъ, раздастъ имъ часть принесеннаго въ церковь хлѣба съ порученіемъ: «ты, голубушка, отнеси эти три-четыре хлѣбца такой-то вдовѣ съ дѣтьми, а ты на свою улицу такому-то больному старику-солдату, а ты вотъ на свою улицу такимъ-то круглымъ сиротамъ отъ меня въ подарокъ», то онъ совершаетъ потребу *). Посмотрѣли бы вы, какимъ пасхальнымъ утѣшеніемъ покажется для бѣдняковъ этотъ свѣжій бѣлый хлѣбецъ, послушали бы вы, какими нѣжными, задушевными словами они благословятъ въ вашемъ имени ангела Божія, отеческимъ вниманіемъ котораго озарилась хоть на мгновенье и ихъ жизнь горемычная, жизнь терпѣливая, жизнь, какъ осенняя ночь, молчаливая... Но главное въ томъ, что *святъ добрыхъ дѣлъ* пастыря *святится* предъ прихожанами и не одну черствую душу разогрѣваетъ къ *прославленію за него Отца Небеснаго*.

Когда священникъ по просьбѣ матери или жены солдатки пишетъ письмо своему прихожанину въ полкъ, и не ограничиваясь дѣловымъ только словомъ, напишетъ на этомъ письмѣ и свою задушевную рѣчь въ тѣхъ мягкихъ, хватающихъ за сердце выраженіяхъ сочувствія, благожеланія, успокоенія, ободренія и благословенія, на которыя всегда способна душа любящаго пастыря, то онъ совершаетъ потребу. Не разъ, а двадцать разъ прочтено будетъ это драгоценное письмецо съ родины отъ «своего батюшки, человѣка Божія», и не на одинъ суровый усъ падеть горячая капля той сердечной росы, которая какъ дождикъ небесный освѣжаетъ природу солдатской жизни и плодитъ въ ней дѣла героизма христіанскаго.

Когда священникъ, увидѣвъ на завалинкѣ почернѣвшаго отъ думъ и безъ слезъ рыдающаго домохозяина, у котораго въ эту ночь лютый

*) Таково и есть назначеніе приносимаго въ церковь хлѣба

ворогъ укралъ дражайшихъ для хозяйства лошадокъ, подсядетъ къ горемыкѣ, дружескимъ сочувствіемъ раздѣлитъ его печаль, докажетъ ему, что обокравшій его воръ несравненно больше его несчастенъ и поможетъ беспомощному совѣтомъ, а при возможности и копѣйкою (хотя бы то въ крайности и церковною—безпроцентною), выйти изъ безвыходнаго положенія, то онъ совершаетъ требу. Горе обокраденнаго слишкомъ тягостно для его одинокихъ силъ, а сосѣди, привыкшіе къ конокрадству какъ къ злу обыкновенному и какъ бы неизбѣжному, киваютъ только головами, да отпускаютъ шутки, а подъ часъ и насмѣшки. У несчастнаго уже началась болѣзнь душевная, а тутъ демонъ такъ и шепчетъ ему на ухо (да иногда и съ успѣхомъ) свое убійственное слово: ну вотъ и дождался помощи Божіей,—теперь хоть въ петлю полѣзай... И вотъ дружеское слово пастыря, какъ разъ кстати подоспѣвшее, облегчило, успокоило, уврачевало душу и оказало бѣднягу выходъ изъ ада на свѣтъ Божій.

Когда священникъ узнавъ, что его честный прихожанинъ, вдругъ ни съ того ни съ сего запивъ горькую, губить семью и хозяйство, идетъ къ нему въ домъ не съ жезломъ, а съ духомъ кротости и здѣсь наединѣ (такъ какъ публичныя обличенія только ожесточаютъ, а не исправляютъ) простою сердечною рѣчью, къ какой только способны дружба и любовь, образумить во время пьяницы, то онъ совершаетъ требу. Съ какимъ горячимъ чувствомъ жена и дѣти спасеннаго, да и самъ онъ, этотъ блудный сынъ, возблагодарятъ потомъ Господа, пославшаго имъ спасителя въ лицѣ этого отца-пастыря!

Когда священникъ въ бѣдственные дни моровой язвы не оставляетъ своего прихода, не бѣгаетъ отъ испуганныхъ овецъ своихъ, а съ героизмомъ добраго пастыря и посѣщаетъ больныхъ и ободряетъ здоровыхъ; когда въ години общественныхъ возбужденій и тревоженій священникъ, ходя по приходу, успокоиваетъ умы, опровергаетъ нелѣпость разныхъ въ такихъ случаяхъ возникающихъ откуда-то слуховъ и разъясняетъ прихожанамъ истинное положеніе дѣлъ, то онъ совершаетъ важнѣйшія требы. Онъ воскрешаетъ слабодушныхъ и отчаянныхъ, укрощаетъ бурю, усмиряетъ волны и кораблю церкви и государства, помогаетъ совершать благодѣтельное шествіе.

Когда священникъ при столкновеніи съ простонародными страстями и при борьбѣ съ возникающими въ приходѣ заблужденіями сектанства невозмутимо терпитъ разныя личныя оскорбленія, когда, осѣнивъ себя крестнымъ знаменіемъ, онъ яко агнецъ безгласный не отверзаетъ устъ своихъ подъ перекрестнымъ названіемъ его «и длинноязыкомъ, и

длинногривымъ и пелехатымъ чортомъ», то онъ совершаетъ требу. Страсти утихнутъ, разсудокъ овладѣетъ душевными движеніями враговъ, совѣсть ихъ вступитъ въ свои священные права: и придутъ и поклонятся ему всѣ оскорблявшіе его, и чѣмъ сильнѣе было оскорбленіе, тѣмъ смиреннѣе будетъ обращеніе ихъ и къ своему пастырю и къ его святому дѣлу *).

Когда священникъ у одра больного вступаетъ въ обязанность медика и подаетъ больному медицинскую помощь, то онъ совершаетъ требу. Посмотрѣли бы вы, какъ дорожатъ прихожане тѣмъ священникомъ, который съ благодатью духовною соединяетъ въ себѣ и этотъ даръ осязательнаго блага—врачеванія тѣлеснаго!

Собственно опытъ сельско-пастырской дѣятельности убѣдилъ насъ, что введеніе въ семинарскій курсъ народной медицины имѣло цѣль весьма благотворную и для пастырей и для пасомыхъ. Но такая полумѣра, какъ чтеніе медицины въ предпоследнемъ годѣ семинарскаго курса съ двумя уроками въ недѣлю, да еще при отношеніи къ этому предмету и со стороны учениковъ и даже со стороны наставниковъ какъ къ чему-то лишнему и къ дѣлу богословія вовсе неотносящемуся, — такая полумѣра не могла привести къ цѣли. Если духовная семинарія есть заведеніе не общеобразовательное, если ея специальное назначеніе образовывать сельскихъ пастырей, то введеніе въ курсъ ея медицины въ предѣлахъ фельдшерскаго курса и притомъ на равныхъ правахъ съ богословіемъ должно быть непремѣннымъ ея уставомъ, хотя бы для этого пришлось выбросить за бортъ кое что такое, возводимое на степень науки, что составляетъ только лишній балластъ въ семинарскомъ курсѣ. Таковъ самый естественный выводъ нашего многолѣтняго опыта. Нашъ братъ семинаристъ получаетъ въ своемъ родѣ широкое образованіе—отъ обзора философскихъ ученій до высшихъ теоремъ математики, отъ законовъ космографіи до того поэтического вздора, какой въ спальнѣ говоритъ Парисъ своей Еленѣ: а между тѣмъ онъ не знаетъ законовъ строенія и развитія своего собственнаго тѣлеснаго организма вопреки первѣйшему и философскому и богословскому положенію: «познай самага себя». Отсюда научная неустойчивость семинариста въ столкновеніи съ университетскимъ позитивизмомъ, отсюда же односторонность вліянія сельского священника на ту свою паству,

.) Вотъ достовѣрный фактъ. Священникъ м. Б. о. Г. Н., заставъ въ своемъ приходѣ болѣе 100 душъ умершихъ штундистовъ, теперь имѣетъ ихъ въ приходѣ менѣе 40 включительно съ дѣтьми. Побужденіемъ къ обращенію ихъ въ церковь служила главнымъ образомъ его самоотверженное терпѣніе, непамятозлобіе и братски ласковое отношеніе къ самымъ дерзкимъ оскорбителямъ. Да укрѣпляетъ его Господь на этомъ Своемъ крестномъ пути!... Авт.

которая по преимуществу заявляет себя, какъ бѣдности, трудъ и болѣзнь. Тѣ священники-медики, которыхъ я имѣю въ виду, суть медики любители. Ихъ создала не семинарская медицина, которая едва успѣла дать имъ только понятіе о себѣ, а та христіанская любовь, которая часто проливала безсильныя слезы у постели безпомощнаго больнаго въ отвѣтъ на его вопли: «батюшка, отецъ родной, помогите спасите!». Эта то всепобѣждающая любовь заставляетъ добраго отца своихъ прихожанъ, отрывая крохи у своихъ дѣтей, выписывать разные лѣчебники, спрашивать фельдшеровъ и медиковъ, изучать всякіе попадающіеся рецепты, покупать аптечныя вѣсы, знакомиться съ унціями и драхмами, покупать на свои средства медикаменты и даже прослыть чудакъ, пока наконецъ первый робкій опытъ уврачеванія больнаго прихожанина не наградитъ врача внутреннимъ блаженствомъ за доброе дѣло и не убѣдитъ его, что медицина вовсе не заповѣдная область, куда бы доступенъ былъ входъ только избраннымъ. Съ началомъ успѣшной практики безъ сомнѣнія усиливаются его труды и самопожертвованіе, но вмѣстѣ съ ними растетъ благодарность и любовь къ нему въ приходѣ. Бѣдная жена, эта вѣчно хлопотливая Марѳа, начинаетъ роптать, что средствъ нѣтъ, что дѣткамъ на сапожки не хватаетъ, а онъ, указавъ на небо, *отню-дуже помощь идетъ*, спѣшитъ съ даровыми лѣкарствами къ больному, находя свое благо, свой рай, свое небо въ благотвореніи ближнему. Иди, друже, съ тобою Господь, *алчущихъ исполняющій благъ, а богатящихся отпускающій ни съ чѣмъ...*

Есть ли у насъ такіе ревностные пастыри? Да, есть, и всегда будутъ, и никогда не переведутся, и вы, собрать, будете однимъ изъ таковыхъ, потому что вѣренъ Тотъ, Кто сказалъ: *Я избралъ и поставилъ васъ, чтобы вы шли и принесли плодъ, и чтобы плодъ вашъ пребывалъ, дабы чего ни попросите отъ Отца во имя Мое, онъ далъ вамъ...*

Съ этимъ то блаженнымъ сознаниемъ избранія и посвященія насъ Господомъ мы и приступимъ теперь къ обсужденію нашихъ требъ по требнику.

(Продолженіе будетъ).

Предложеніе Высокопреосвященнѣйшаго Апостоса, Архіепископа Вятскаго и Слободскаго, Вятской Духовной Консисторіи.

Ко мнѣ много просьбъ отъ священно-церковнослужителей о перемѣщеніи съ занимаемыхъ ими мѣстъ на другія. Нельзя не признать

уважительно такую просьбу, если проситель долгое время съ усердіемъ и пользою трудился въ своемъ приходѣ и достоинъ за свою за-слугу лучшаго мѣста, если обремененъ семействомъ и затрудняется содержаніемъ его, а полезною службою заслуживаетъ участія къ своему семейному положенію. Но многіе ищутъ себѣ другаго мѣста безъ всякой уважительной причины. Иной прослужить въ приходѣ два—три года, а иногда и менѣе того, и просить уже перемѣстить его. Иной и семейства не имѣетъ и заслуги никакой не оказалъ, и не терпитъ нужды въ содержаніи, а просится на лучшее мѣсто.

Частая перемѣна священника не можетъ не сопровождаться ущербомъ для духовной пользы прихода: одинъ не успѣлъ освоиться съ приходомъ, ознакомиться съ его духовнымъ состояніемъ, узнать религіозно-нравственныя потребности его и сдѣлать что-либо полезное для него, поступаетъ другой, которому также нужно время присмотрѣться къ прихожанамъ, чтобы съ пользою для нихъ проходить свое служеніе. Объ этомъ и не подумаютъ просители. Они рассчитываютъ только свою выгоду, а свое призваніе и исполненіе священнаго долга, принятаго на себя, забываютъ.

Ничто не совершается безъ промысла Божія. Всякій священникъ и другой служитель церкви поставляется на томъ или другомъ мѣстѣ не безъ воли Небеснаго Пастыреначальника: *никтоже самъ собою пріемлетъ честь, но токмо званный отъ Бога*. Покорный призванію Божію, предающій себя въ волю Божію пастырь съ благоговѣніемъ принимаетъ свое назначеніе, съ ревностію трудится во славу Божію на мѣстѣ, которое Господь указалъ ему, не ронцетъ и не жалуется на стѣснительныя обстоятельства, если таковыя случаются, подражая св. Апостолу, которой говоритъ о себѣ: я ни на что не взираю и не дорожу своею жизнію, только бы съ радостію совершить поприще свое и служеніе, которое я принялъ отъ Господа Іисуса (Дѣян. XX, 24). Боголюбиваго и благоговѣйнаго труженика—пастыря не оставитъ Господь своею милостію: *кійждо бо свою мзду пріиметъ по своему труду* (1 Кор. III, 8).

Служеніе пастырское не то, что должности гражданскія. Оно связуетъ священника съ его прихожанами глубокою, сердечною, родственною связію: пастырь рождаетъ своихъ пасомыхъ въ жизнь духовную и воспитываетъ въ ней; ему открываютъ пасомые тайны сердца своего и онъ руководитъ ихъ совѣстію; пастырь раздѣляетъ съ пасомыми радость и горе ихъ; въ счастіи и несчастіи вмѣстѣ съ ними и за нихъ возноситъ молитвы Господу. Священникъ—духовный отецъ, при-

хожане дѣти его. Потому добрые пастыри любятъ своихъ прихожанъ, какъ отцы родные, всею душою преданы своему приходу и во всю жизнь не разлучаются съ нимъ, передаютъ свою любовь къ приходу и сыновьямъ своимъ, которые за счастье поставляютъ служить церкви Божіей тамъ же, гдѣ служили ихъ отцы, и сами, на старости оскудѣвая въ силахъ, лучшую отраду для себя находятъ въ томъ, если кто-либо изъ дѣтей ихъ заступитъ ихъ мѣсто. Такъ закрѣплялась въ былыя времена та связь добраго пастыря съ его приходомъ, которая продолжалась иногда въ родѣ его въ нѣсколькихъ поколѣніяхъ. Есть и въ наше время священники, столько привязанные къ своимъ приходамъ, что не соглашаются разстаться съ ними, когда предлагаютъ имъ и болѣе почетныя, и болѣе выгодныя мѣста,—чему можно бы указать очень недавній, весьма выдающійся примѣръ,—и просить, какъ милости, оставить ихъ на прежнемъ мѣстѣ, гдѣ и начали свою службу. Таковы истинные пастыри духовные, а тотъ не добрый пастырь, который, не задумываясь, готовъ оставить своихъ духовныхъ дѣтей, безъ крайней нужды, только бы жить ему въ большемъ довольствѣ.

Не личная выгода, не расчетъ матеріальный, а исполненіе долга должно быть первою заботою священнослужителя. Достойный своего призванія, преданный своему долгу пастырь исполненіе своихъ обязанностей ставитъ выше заботы о приобрѣтеніи достатка; самоотверженное служеніе, благоуспѣшность пастырскихъ трудовъ, нравственное преуспѣяніе паствы доставляетъ ему болѣе утѣшенія и радости, чѣмъ пользованіе матеріальными удобствами жизни. Последнія могутъ быть и бываютъ у него и безъ заботы объ нихъ. Если священникъ съ усердіемъ и любовію проходитъ свое служеніе, и небогатый приходъ дастъ ему достаточныя средства къ жизни: полезная дѣятельность пастыря всегда найдетъ достойную оцѣнку у пасомыхъ, приобрѣтетъ ему расположеніе и преданность паствы и готовность служить ему отъ имѣнія своего.

Неблаговидны просьбы о перемѣщеніи и въ томъ случаѣ, когда онѣ вызываются непріятными отношеніями къ прихожанамъ. Священникъ или другой членъ причта, возбудившій неудовольствіе въ прихожанахъ, не устранять себя отъ недовольныхъ долженъ, а устранять поводы къ неудовольствіямъ. У кого нѣтъ самообладанія и сдержанности, духа кротости и терпѣнія, кто не заботится исправить свои не-

достатки, и тотъ ли на другомъ мѣстѣ наживетъ себѣ непріятности.
(Орловск. № 1).

П. Р.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА

ОБЩЕДОСТУПНОЕ ДУХОВНО-ПРАВСТВЕННОЕ ИЗДАНИЕ

„БЛАГОВѢСТЬ“.

Цѣна на годъ 5 руб. сер. на полгода 3 руб. сер. Г. Харьковъ,
Ивановская ул., д. Захарьева.

Поступила въ продажу замѣчательная брошюра:

ПРЕДСКАЗАНІЯ МОСКОВСКАГО МИТРОПОЛИТА ФИЛАРЕТА.

Цѣна 50 коп. сер. съ перес.; выписывающіе десять экземпляровъ
высылаютъ 4 р. 50 к.; выписывающіе сто экземпляровъ платятъ 35 р.

Складъ изданія: Г. Харьковъ, редакція журнала «БЛАГОВѢСТЬ».

Въ память Священнаго Коронованія ИХЪ ИМПЕРАТОРСКИХЪ
ВЕЛИЧЕСТВЪ продаются альбомы (въ 16 портретовъ) лицъ, цар-
ствовавшихъ изъ Дома Романовыхъ, — альбомы съ видами Москвы и
С.-Петербурга, — хромолитографич. исполненные въ 10 красокъ портреты
ИХЪ ИМПЕРАТОРСКИХЪ ВЕЛИЧЕСТВЪ, — и проч. Объявленія по тре-

